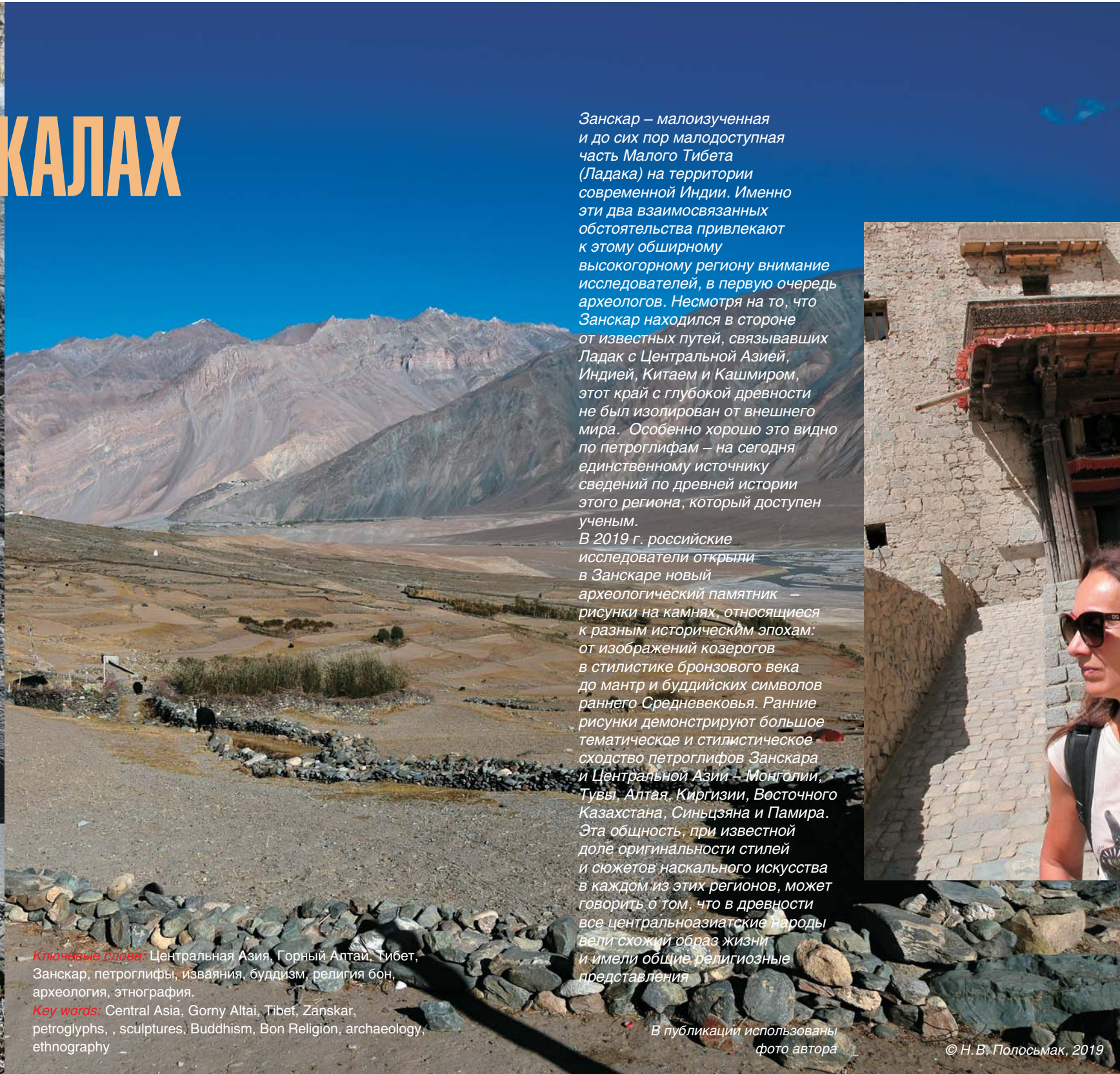

ИСТОРИЯ на СКАЛАХ

Ладак – высочайшее горное плато Индии – граничит на востоке с Тибетом, на юге – с Лахулом и Спити (штат Химачал-Прадеш), на западе – с долинами Кашмира, Джамму и Балтистаном, на севере, через хребет Куньлунь, – с Восточным Туркестаном. Территория Ладака пересекается двумя параллельными горными хребтами – Ладакским и Занскарским. Между Занскарским и Большим Гималайским горными хребтами расположен Занскар – один из самых труднодоступных и наиболее изолированных гималайских регионов Северной Индии.

Занскар – малоизученная и до сих пор малодоступная часть Малого Тибета (Ладака) на территории современной Индии. Именно эти два взаимосвязанных обстоятельства привлекают к этому обширному высокогорному региону внимание исследователей, в первую очередь археологов. Несмотря на то, что Занскар находился в стороне от известных путей, связывавших Ладак с Центральной Азией, Индией, Китаем и Кашмиром, этот край с глубокой древности не был изолирован от внешнего мира. Особенно хорошо это видно по петроглифам – на сегодня единственному источнику сведений по древней истории этого региона, который доступен ученым. В 2019 г. российские исследователи открыли в Занскаре новый археологический памятник – рисунки на камнях, относящиеся к разным историческим эпохам: от изображений козерогов в стилистике бронзового века до мантр и буддийских символов раннего Средневековья. Ранние рисунки демонстрируют большое тематическое и стилистическое сходство петроглифов Занскара и Центральной Азии – Монголии, Тувы, Алтая, Киргизии, Восточного Казахстана, Синьцзяна и Памира. Эта общность, при известной доле оригинальности стилей и сюжетов наскального искусства в каждом из этих регионов, может говорить о том, что в древности все центральноазиатские народы вели схожий образ жизни и имели общие религиозные представления.

В публикации использованы фото автора

Ключевые слова: Центральная Азия, Горный Алтай, Тибет, Занскар, петроглифы, изваяния, буддизм, религия бон, археология, этнография.

Key words: Central Asia, Gorny Altai, Tibet, Zanskar, petroglyphs, sculptures, Buddhism, Bon Religion, archaeology, ethnography

© Н. В. Полосьмак, 2019

Н. В. ПОЛОСЬМАК

«Под любым небом человек нуждается в конкретных символах, чтобы прилепиться к вечности»
(Дж. Туччи. Дневник экспедиции в Западный Тибет 1935 г.)

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Лауреат Государственной премии РФ (2004), лауреат Национальной премии «Достоиние поколений» (2006). Автор и соавтор более 300 научных работ

Неистребимая потребность оставить свой след в местах своего обитания – одна из характерных особенностей, выделяющих человека из животного мира. Ярким свидетельством этому служат *петроглифы* – рисунки на скалах. Хотя, если быть объективными, они в чем-то сродни знакам, которые оставляют звери, пометая границы своей территории. Желание застолбить, присвоить часть пространства актуально и ныне – вспомним борьбу за территории. Но какими бы ни были побудительные причины, заставившие древних людей впервые «расписаться» на скалах, вряд ли они слишком отличались от тех, что заставляют делать это современного человека. Вспомним незабвенное «Киса и Ося были здесь» из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова.

Эти несмыаемые знаки человеческого присутствия можно обнаружить в самых неожиданных и труднодоступных местах: на горных перевалах и по берегам рек и морей, в затерянных высокогорных долинах и пустынях. Были бы подходящие поверхности... Человек везде утверждал свое присутствие, оставляя знаки, которые многие поколения ученых пытаются объяснить исходя из собственных представлений, и тут предела фантазии нет. Среди популярных версий – охотничьи культы, мифы, эпос, шаманские мистерии, сцены из жизни.

Конечно, человек всегда будет стремиться понять смысл древних изображений, тем более что наскальные рисунки во многих местах – это непрерывно продолжающаяся традиция, и кажется, что где-то еще помнят, зачем люди это делали. Знаменитый исследователь Центральной Азии, профессор Гейдельбергского университета К. Йеттмар остроумно назвал открытые и исследованные им петроглифы вдоль Инда «гостиничной книгой Шелкового пути». И это пока, пожалуй, лучшее из всех известных определений, относящееся к конкретным памятникам.

Петроглифы – вечные свидетели пути

Петроглифы, прежде всего, это знаки, нарисованные или выбитые на камне. Но иногда эти знаки становились настоящим произведением искусства. Когда изображения на камень наносил талантливый человек, из-под его руки возникал незабываемый образ или композиция – недостижимый образец для подражания. Но таких изображений значительно меньше. В каждую эпоху желающих отметить на скалах было больше, чем талантливых людей. Но стиль создавали и те, и другие...

Если на вопрос о том, что такие рисунки значили для людей в ту пору, когда они создавались, мы вряд ли получим однозначный ответ (об этом знают только их создатели), то на вопрос, что они значат для нас теперь, ответы, конечно, существуют. Значение петроглифов для современных ученых в том, что ими отмечены маршруты древних торговых путей и кочевий, воинских походов и завоеваний, путей караванов и одиноких путников, паломников и беглецов... Эти неподвижные знаки фиксируют движение, бесконечный людской поток. Их наслоения сродни культурным слоям: нередко на одних скалах, на одних и тех же валунах соседствуют изображения, которые разделяют даже не столетия, а тысячелетия, целые эпохи.

Петроглифы маркируют пути, которые пересекают в разных направлениях огромные пространства. Ими

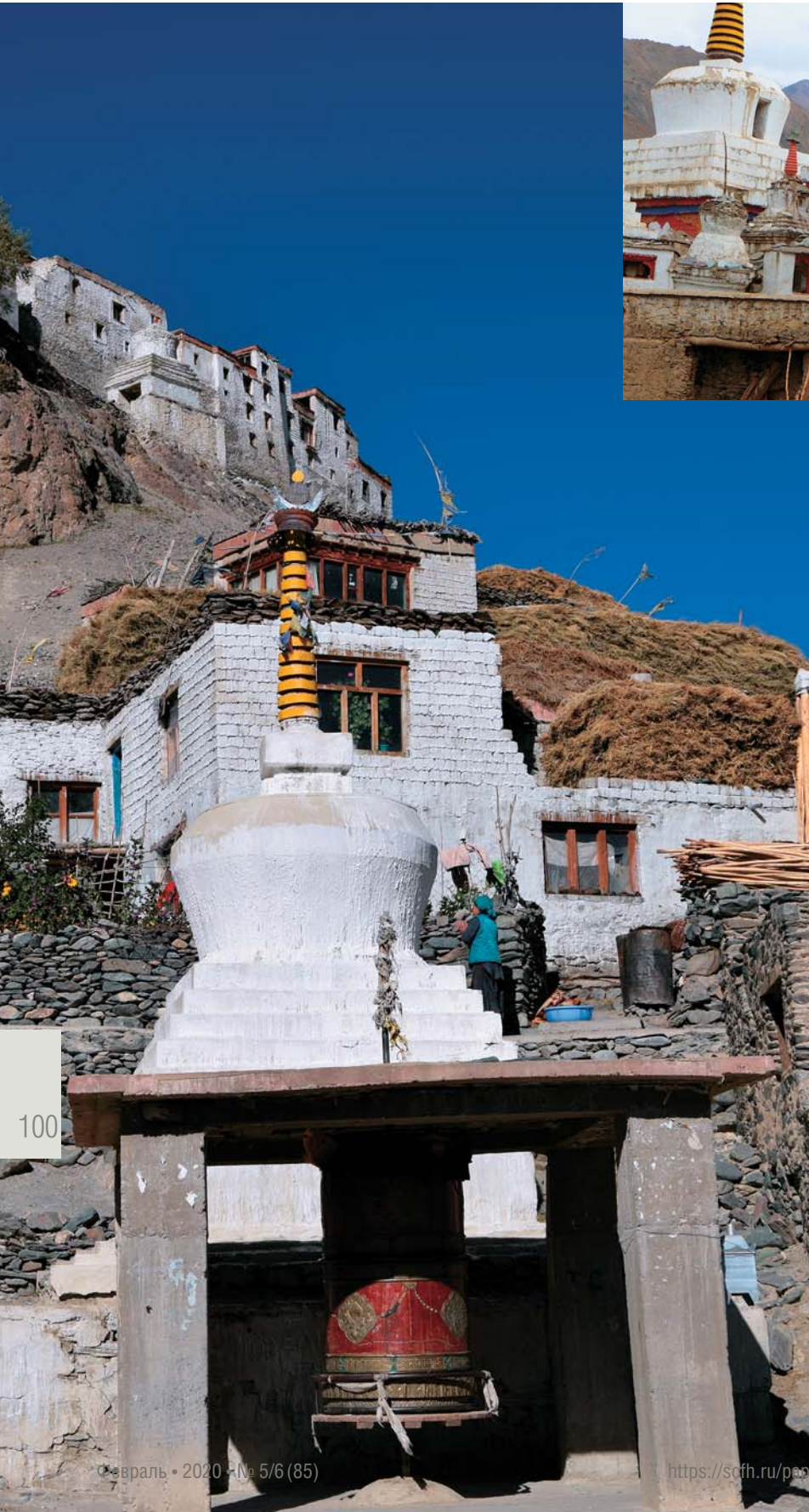
Ряд ступ на подходе к дворцу князя Зангла (слева)

Изображение козерога. Памятник Акшоу, Занскар, 2019 г. (внизу)

Улочка деревни Кончет. Занскар (справа)

Жительница Занскара в традиционной одежде. На дороге к монастырю Сани (слева)

Ледник Дранг-Друнг (внизу)

отмечены освоенные регионы, священные места, укромные убежища. Они рассказывают о зверях, птицах и рыбах, настолько важных, что их образы наносились на скалы. Петроглифы могут рассказать и о людях, покорявших высокогорные районы Центральной Азии. И о том, что маршруты, реальность которых они подтверждают, являются невероятными и головокружительными только для нас, представителей иной культуры и цивилизации.

Петроглифы обычно изучаются в неразрывной связи с археологическими памятниками, к категории которых они и сами, безусловно, относятся. В таких наиболее типичных случаях материалы из поселений и могильников используют для датирования и интерпретации рисунков на скалах. Но бывают ситуации, когда петроглифы оказываются единственными свидетельствами древней истории. Так, как это случилось в Занскаре.

Деревня Карша. Вверху на склоне монастырь, внизу деревенская улочка. На переднем плане – молитвенный барабан (слева)

Раскрашенные ладакские чортены. Монастырь Ламаюр (вверху в центре)

Ладак – перекресток дорог

Занскар – самая южная часть Ладака, исторической и географической области в Индии, расположенной между горными системами Куньлунь на севере и Гималаи на юге, всегда находился в стороне от торговых путей и троп паломников. Слишком уж труднодоступной, малопривлекательной, а потому и малоизвестной была эта территория.

Мало кто знает, что первым из русских путешественников в Ладаке был не знаменитый Н. К. Рерих, а известный художник В. В. Верещагин. В 1875 г. он как никто другой приблизился к Занскару, но так и не посетил его. От этого путешествия осталось несколько замечательных картин, написанных с присущей этому художнику этнографической точностью. Одна из его картин – «Посмертные памятники Ладака» – сохранила облик ярко раскрашенных чортенов (чортен – тибетское название ступы, характерное для буддистской культуры культовое сооружение), на другой картине изображен процветающий и ныне монастырь Хемис. А изображения тибетцев, мужчины и женщины в традиционной одежде, могли бы быть сделаны и сегодня: в деревнях до сих

пор можно увидеть старых женщин в таких же накинутых на спину шкурах, спасающих от холодного ветра.

Через полвека через Ладак в Хотан прошла экспедиция Н. К. Рериха, но и он не упомянул о Занскаре. Художник оставил интересные путевые заметки и картины, где изображены монастырь Ламаюра, Королевский дворец, Замок Ладака. Особенно интересна для нас картина «Скалы Ладака» (1933 г.). На переднем плане горного пейзажа изображены валуны, покрытые древними рисунками, на которых козероги и охотники представлены именно такими, какие присутствуют на многочисленных петроглифах Ладака, и не только. В своих заметках об изображениях на камнях Рерих

указал на главное – их сходство со множеством других рисунков, которые он увидел в соседних горных местностях и даже запечатлел на картине «Камни Лахуля». «Такие наскальные изображения, – писал Рерих, – широко распространены в Ладаке и соседних горных местностях и встречаются даже в оазисе Санджу, на северном склоне перевала. И здесь, в Китайском Туркестане, на глянцевиито-коричневом массиве скалы опять светлыми силуэтами те же стрелки из лука, те же горные козлы с огромными крутыми рогами, те же ритуальные танцы, хороводы и шествия верениц людей. Это именно предвестники переселения народов» (Рерих, 1925).

Сын Николая Рериха, Юрий, выдающийся ученый-востоковед, считал, что изображения козлов «принадлежат примитивному культу природы Тибета, обычно называемому Бон. Горные козлы очень популярны в древнем культе огня монголов и связаны с символом плодородия. Видимо, эти наскальные изображения принадлежат древнему общему религиозному периоду Внутренней Азии» (Рерих, 1994).

Наблюдая наскальные изображения на огромных пространствах Центральной Азии непосредственно вдоль маршрутов экспедиций (включавших не только

Тибет, Ладак и Туркестан, но и Монголию и Алтай), а не по публикациям, как это происходит в наше время, отец и сын Рерихи опередили свое время, сделав выводы, которые остаются актуальны по сей день. Речь идет о сходстве наскальных изображений на этой огромной территории, о преобладании рисунков горного козла и сцен охоты на него, феномен которых они объясняли «общим древним религиозным периодом Внутренней Азии».

Дневники, статьи и отчеты Ю. Н. Рериха собраны в одну книгу, названную «Тибет и Центральная Азия». В этой книге ученый пытался всесторонне рассмотреть связь Тибета с миром азиатских кочевников. Во многих своих выводах он опирался на письменные источники: «...древняя связь, когда-то существовавшая между Тибетом и богатым кочевым миром Внутренней Азии... многократно упоминается в исторических хрониках Китая». Речь идет о таких народах, как *малые юэчжи* (к юэчжам ряд исследователей относит пазырыкцев) и *хунну*. Первые отступили из мест своего обитания в кочевья тибетцев-*цзянов* (это событие могло произойти в III в. до н. э.) и вскоре «отибетились»: их язык, одежда и пища стали сходны с тибетскими. А о хунну «История поздней Хань» сообщает, что они вступали в союз

с цзянами и совместно устраивали набеги на китайскую территорию, что относится уже к первым векам нашей эры.

В последующие годы шло накопление и систематизация материалов, относящихся к петроглифам Центральной Азии, но выводы остались прежними – теми же, что были сделаны русскими учеными в ходе Центрально-Азиатской экспедиции 1923–1929 гг. И это неудивительно, поскольку Н. К. Рерих, как художник, лучше других видел стилистическое сходство изображений, находящихся в тысячах километрах друг от друга, а экспедиция, проходя этими древними маршрутами, доказала саму возможность подобных миграций. Ю. Н. Рерих владел многими языками и диалектами,

включая тибетский и монгольский языки, санскрит и хинди, что давало возможность не только читать ранее никому недоступные древние тексты, но и напрямую общаться с теми, кого этнографы называют «информаторами». Сведения, полученные непосредственно от местного населения этих регионов, стали той уникальной научной базой, на которой сформировались выводы ученого о глубокой духовной общности народов Центральной Азии в древности, которая выражалась

Каменная плита с изображениями будды, бодхисаттв и ступ. *Занскар (слева)*

Ряды чортенов, по дороге в Занглу (*внизу*)

в одинаковых символах. В данном случае речь идет о рисунках на камнях.

И понадобилось почти сто лет, чтобы эта гипотеза, основанная на интуиции, уникальном опыте, научных знаниях и таланте Рерихов, была подтверждена на основе тщательного изучения многими выдающимися исследователями памятников этого огромного региона. Поскольку «того, что очевидно для глаза, недостаточно для науки» (Лем, 1961).

В наши дни число рисунков на камнях, обнаруженных и зафиксированных по всей Центральной Азии и Сибири, стремительно растет. Например, в ходе реализации проекта по наскальному искусству Ладака в 2006–2007 гг. были зафиксированы почти 150 местонахождений наскального искусства, задокументированы и внесены в базу данных 15 тыс. наскальных изображений и еще 5 тыс. обследованы (Vigneau & Vernier, 2013).

Надо отметить, что петроглифы, наряду с продуктами каменной индустрии и керамикой, это один из самых значительных в количественном отношении археологический источник. Таких изображений насчитывается десятки тысяч. Это тот случай, когда объем детальной информации таков, что кажется, что его уже невозможно освоить. *Петроглифика* выделилась в отдельное направление в археологии и идет по пути совершенствования своих методов (съемки, изучения, датирования). Но при этом петроглифы не стали менее загадочными, количество данных не переросло в качество, а многократно улучшенная методика съемки не сделала их более понятными.

«Все, что я видел в Занкаре, было близко к совершенству» (М. Пессель, 1979)

Занскар стал тем местом, которое мы выбрали для продолжения исследований в Центрально-Азиатском регионе, поскольку на территории Ладака это наименее изученная область, где сохранилась традиционная культура. Немалую роль в нашем выборе сыграла и книга французского путешественника М. Песселя, побывавшего там в 1976 г. Его впечатления о путешествии в Занскар – это взгляд «очарованного странника», тем более ценный, что он не был новичком в Гималаях и посетил этот край уже после путешествия по Мустангу и Бутану. И тем не менее и для него Занскар оказался чем-то особенным: «Во всех Гималаях нет более недоступного убежища, чем эта, окруженная горами долина» (Пессель, 1985, с. 49).

Несмотря на то, что теперь Занскар стал доступен для туристов, это все еще затерянный мир. Пессель рассказал о многих памятниках на своем пути – чортенах,

петроглифах, изваяниях, которые и сегодня служат нам ориентирами. Но его путешествие – всего лишь один маршрут в безбрежном занскарском океане... Разрушенные крепости и дворцы, чортены и изваяния еще ждут своих исследователей.

Другой причиной стремиться в Занскар стало сообщение французского археолога А.-П. Франкфорта, который исследовал наскальные изображения в Ладаке и Занкаре в 1990 г. В статье, посвященной итогам этой работы, он писал: «Предварительное изучение петроглифов Ладака и Занкара открывает новую главу в древней истории этих регионов, связывая их с обширной областью степных народов I тыс. до н. э. Древнее население Гималаев поддерживало отношения с территориями “империй” ахеменидской Персии через долину Инда, а также с Китаем западного, а затем и восточного Чжоу. Пути, по которым развивались эти отношения, нам еще предстоит открыть. Хотя характер этих взаимодействий не поддается однозначной оценке, свидетельства их существования неопровержимы. В этой связи можно рассчитывать, что поверхностные археологические наблюдения, а также раскопки в этих регионах принесут новые пазырыкские находки, тем более что засушливые условия благоприятствуют сохранению органики» (Frankfort, 1990, с. 24).

Этот неожиданный отсыл к пазырыкским находкам был в тот момент важен для меня, поскольку именно в 1990 г. мы впервые произвели раскопки пазырыкских погребений на плато Укок в Горном Алтае, где были открыты самые высокогорные (2,5 тыс. м над уровнем моря) могильники этой культуры. При исследовании могильника Ак-Алаха-1, который оказался не только «замерзшим», но и не тронутым грабителями, было обнаружено погребение двух знатных воинов в сопровождении коней. И хотя мумии мужчин не сохранились, обилие предметов из органических материалов оказалось беспрецедентным. Среди них – деревянные колоды, уникальные предметы одежды, войлочные попоны с красочными аппликациями, деревянные резные украшения конской упряжи, предметы вооружения и многое другое. И главное – все это было непотревоженным...

Опять, как когда-то после открытия Пазырыкских курганов в 1929 г., перед глазами археологов возник потерянный мир. Ведь не секрет, что археология занимается лишь самой малой частью материальной культуры – той, что доходит до нас нетленной, при этом большая часть ее, из органических материалов, как правило, исчезает. Лишь иногда стечение обстоятельств порождает феномен, подобный «пазырыкскому». Самый яркий пример – погребения в Синьцзяне. Но если на Алтае хранителем древней органики выступал холод и лед, то в Такламакане – сухость климата и песчаные почвы.

А.-П. Франкфорт предположил, что климат Ладака может способствовать тому, что в древних погребениях может сохраниться все, что изготовлено из органических материалов. Конечно, это не исключено, но где они, эти древние погребения? На территории Занкара древние захоронения выделяют пока чисто гипотетически, поскольку здесь никогда не производились археологические раскопки*. Мы находимся в самом начале очень длинного пути.

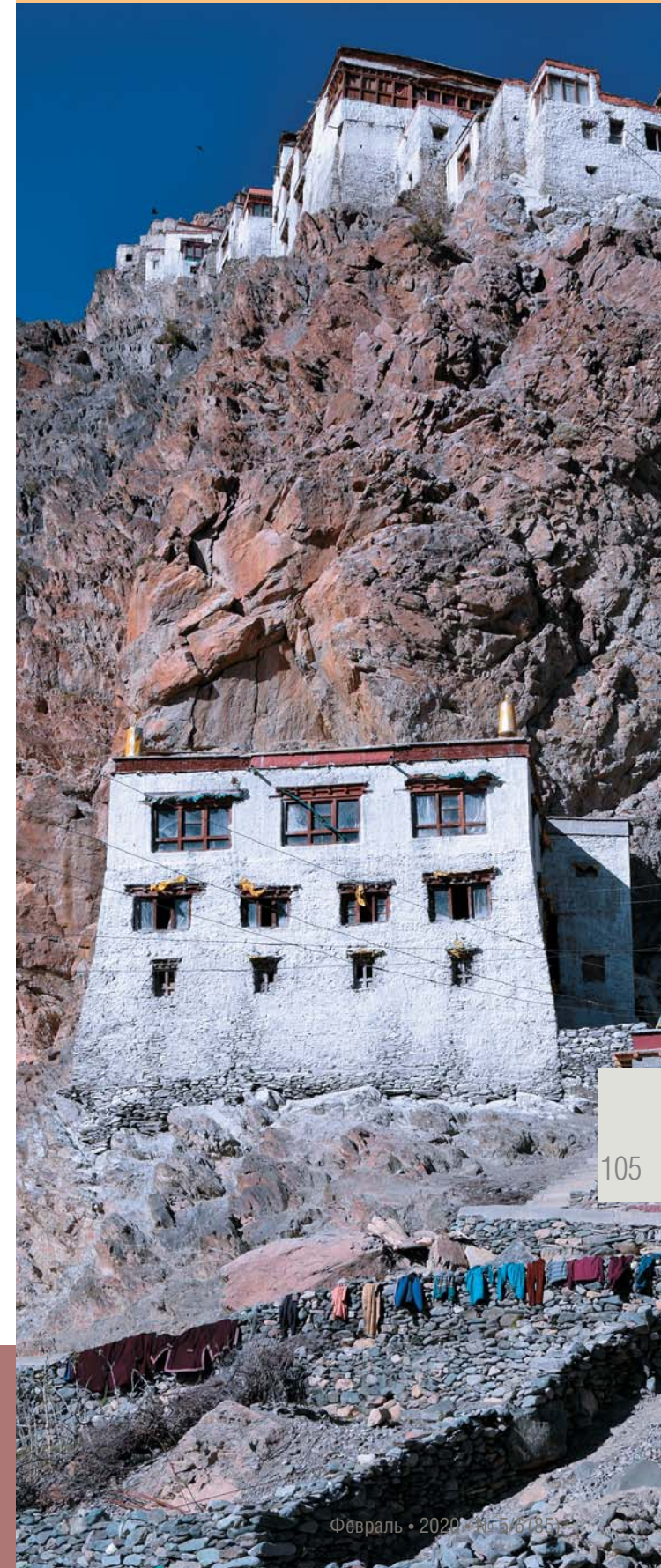
«Даже путь в тысячу ли начинается с первого шага» (Лао-цзы)

Сегодня петроглифы фактически являются единственным свидетельством древней истории Занкара. Те немногие (не более 20) известные памятники, на которых обнаружены рисунки, со всей очевидностью указывают на то, что, по крайней мере, с эпохи бронзы этот регион, так же как и Ладак в целом, был частью мира центральноазиатских кочевников. А этот мир простирался вплоть до Алтайских гор, где, возможно, жили вышеупомянутые «малые юэджи» китайских хроник, и до степей Монголии, где империи Хань противостояла кочевая империя хунну. Многие годы мы проводили археологические исследования памятников этих народов, результаты которых и послужили стимулом к новым поискам причинно-следственных связей людей и культур...

Конечно, ничего похожего на пазырыкские «замерзшие» могилы Горного Алтая в Занкаре обнаружено не будет. Но важная часть местной древней культуры, представленная предметами из органических материалов, действительно может сохраниться на неизвестных пока памятниках, а их раскопки могут открыть совершенно новые страницы древней истории Высокой Азии.

Каждое новое место, где обнаружены петроглифы, может дать новую информацию. Поэтому поиск изображений на скалах будет продолжаться. Но уже есть десятки тысяч известных рисунков, зафиксированных с максимальной точностью, посчитанных в процентных соотношениях и детально описанных, которые до сих пор не поддаются прочтению. Было бы опрометчиво считать, что те интерпретации различных петроглифов, которые имеются на сегодняшний день, это все, что мы можем узнать из этого неисчерпаемого исторического источника.

* Полосьмак Н. В. След ведет в Занскар // «НАУКА из первых рук». 2016. Т. 71/72. № 5/6. С. 150–161

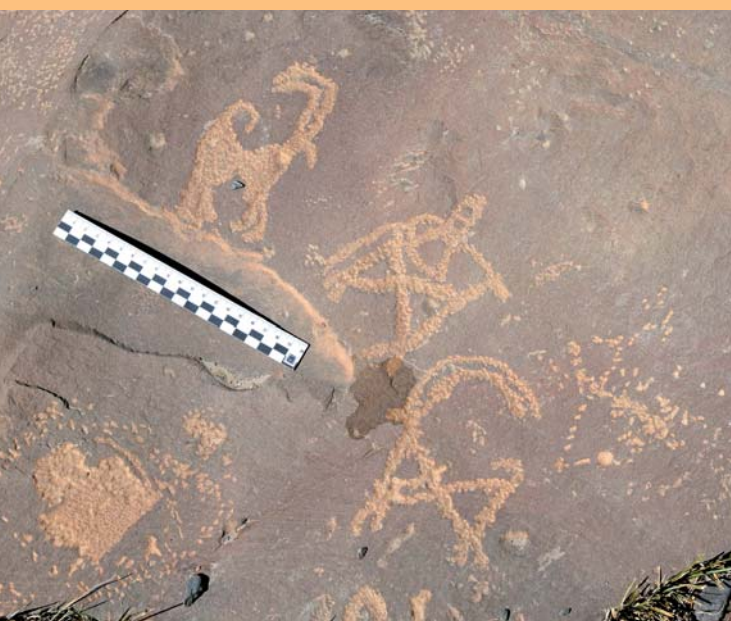
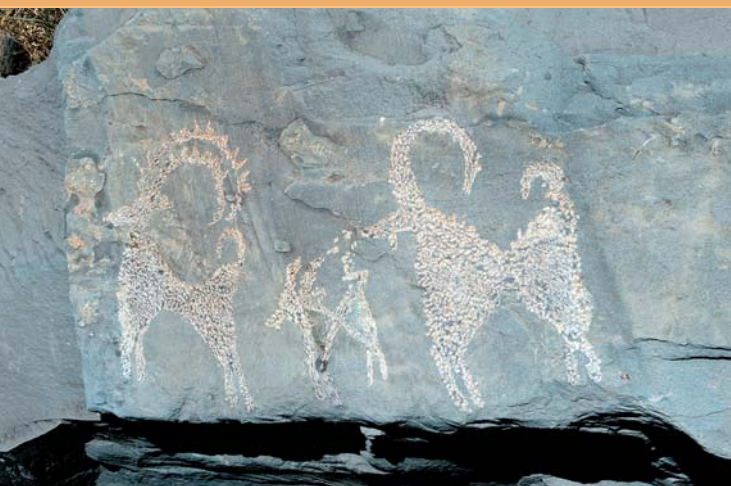
Петроглифы памятника Акшоу. Изображения козерогов в битреугольном стиле. *Занскар, 2019 г.*

Прорисовка орнамента на сосудах из Суз (слой Сузы А, IV тыс. до н. э.). Изображения козерогов в битреугольном стиле. *Рис. Е. Шумаковой (вверху справа).*

Камень с петроглифами на местонахождении Акшоу (*справа*). Сцена охоты на козерогов. Среди персонажей – всадники, пешие лучники, собаки, волки, козероги, изображения которых сделаны в разных стилях. *Занскар, 2019 г.*

Поиски петроглифов на территории Занскара ведутся давно: первые сведения о них появились еще в начале прошлого века благодаря исследованиям А. Г. Франке, миссионера из Моравии. Но на сегодняшний день известны лишь 20 подобных мест. Понятно, что для региона площадью 7000 км² это совсем не много, и Занскар по-прежнему сохраняет статус малоизученной территории, причем не только в отношении петроглифов. Однако с учетом того, что он находится на высоте 3,5–7 тыс. м над уровнем моря, а попасть туда можно лишь по одной окружной дороге, через высокогорный перевал Пензи-Ла (эта дорога проходима не более шести месяцев в году, чаще – и того меньше), то надо признать, что за последние годы сделано очень много.

Обнаруженный нами новый археологический памятник находится на высоте 3,8 тыс. м над уровнем моря в долине Хотанг Тханг. Недалеко расположен перевал, ведущий в Киштвар – плато с еловыми и деодаровыми лесами, расположенное на высоте 1,8 тыс. м на территории Кашмира. Пройти по перевалу можно только пешком, дорога занимает три дня.

Сам памятник – это 34 камня, в разной степени заполненных рисунками (вероятно, при целенаправленном поиске их найдется больше). Все камни со следами сколов и царапинами, оставленными камнепадами, оползнями, снежными лавинами... Местные горы подвержены сильному выветриванию, часто встречаются осыпи из обломков разрушенных скал, тянущиеся на сотни метров. Вот на таких беспорядочно разбросанных обломках и, реже, на гладких валунах и были обнаружены рисунки. Подавляющее большинство – это изображения козерога. Встречаются изображения антропоморфных фигур, материальных объектов (ступ, лхатхо – многоярусных ритуальных сооружений, предназначенных для божеств-покровителей), растений (ветки или деревья), буддийские символы – совмещенные изображения солнца и луны, вазы, а также нефигуративные изображения – право- и левосторонние свастики, четырехугольные и цветочные символы, круги, группы точек... Есть и надписи на тибетском языке.

Петроглифы вообще (а в Ладаке особенно) трудно датировать. Даже рисунки с буддийской символикой не имеют четкой хронологической привязки, поскольку доподлинно неизвестно, когда на эту территорию впервые проник буддизм. Тем не менее, у нас есть некоторые ориентиры для относительной хронологии петроглифических изображений. Речь идет о сходстве

древних рисунков на камнях в Гималаях с изображениями в Центрально-Азиатском регионе, где их датировки подкреплены археологическими находками (на сегодняшний день это наиболее надежный способ датирования петроглифов). На этой основе мы можем очень осторожно оценить время создания тех или иных изображений на скалах и камнях Ладака.

Козерог – символ или добыча

Как уже говорилось, наиболее часто встречающийся на петроглифах персонаж – это козерог. Его изображения преобладают не только на территории Ладака, но и во всей Центральной Азии.

К наиболее древним (бронзовый век) относятся рисунки животных, выполненные в теновом или силуэтно, *битреугольном* стиле, когда тело зверя как бы составлено из двух соприкасающихся вершинами треугольников. Среди рисунков на памятнике у д. Акшоу есть замечательные изображения козерогов в этом стиле, будто скопированные с росписей на ближневосточной керамике эпохи *неолита* (медно-каменного века), датированной IV–III тыс. до н. э.; образцы именно этой керамики послужили для первого выделения битреугольного стиля в петроглифах Киргизии А. Н. Бернштамом (1952).

К наиболее древним изображениям относятся и рисунки в так называемом линейном стиле. Простыми приемами изображались не только козероги, хотя их большинство, но и иные звери – лошади, собаки, волки. Изображение сцен охоты на козерогов, выполненных в линейном стиле. На этой же поверхности нанесены соляные символы. *Акшоу, Занскар, 2019 г.*

сказать, традиция. И хотя исследователи петроглифов давно пришли к мнению, что битреугольный стиль изображений не может являться безоговорочным указателем древности, их принято датировать бронзовым веком (примерно III тыс. до н.э.).

Изображения козерогов в битреугольном стиле у д. Акшоу достаточно разнообразны. Наряду с фигурами, выполненными в теневой или силуэтной манере, имеются очень простые контурные фигуры в виде двух соприкасающихся вершинами треугольников. Образ делают узнаваемым дугообразные рога, пририсованные к одному из углов. Разные изображения могут часто встречаться на одной плоскости и, судя по патине на поверхности камня, могут быть выполнены в одно время.

Исключительная изменчивость «битреугольного» стиля, которую мы наблюдаем на камнях Ладака, Занскара, Верхнего Инда и пакистанской долины Свата, говорит о том, что этот оригинальный прием изображения тела животного был не только воспринят и перенесен на каменные поверхности, но и получил развитие, если так можно оценить превращение теневого рисунка в простую геометрическую схему. Сотни козчиков с туловищем в виде песочных часов покрывают камни долины Инда и Занскара. Разнообразие и количество изображений в битреугольном стиле в этом регионе, несравнимое с их числом на Памире и в Киргизии, могут свидетельствовать о том, что этот прием пришел через долину Инда из первоисточника – древнего государства Эламна, территории нынешнего Ирана.

Помимо одиночных фигур животных, на поверхности некоторых камней нанесены целые композиции, посвященные охоте на козерогов пеших лучников с собаками. На этих рисунках на козерогов с одной стороны нацелены стрелы, с другой – их преследуют волки, главные враги в природе.

Охоту с собаками на горных козлов описал известный этнограф Н. А. Кисляков, работавший в 1930-е гг. в верховьях р. Оби-Мазор, в одном из самых удаленных горных уголков Таджикистана на высоте 2,7 тыс. м над уровнем моря: «В тесной мрачной долине, покрытой осыпями и чудовищными нагромождениями скал, расположен кишлак Хазрати – Бурх. Не на чем остановиться глазу, везде камень, камень и камень. Нет места

ничему живому. Только горный козел, перепрыгивая со скалы на скалу, неожиданно производит целые обвалы камней <...> Ни земледелие, ни скотоводство не могут прокормить сравнительно многочисленное население. Остается еще один источник существования – горный козел» (Кисляков, 1984, с. 181).

Н. А. Кисляков также дает описание охоты на козерогов, сведениями о которой с ним поделился один из самых старых жителей кишлака – единственный, кто еще помнил, как это происходило. Охотились, главным образом, зимой, когда козел спускается ниже, ближе к долине, и передвижение его затруднено выпадающим в горах глубоким снегом. В коллективной охоте на горного козла большую роль играла собака, причем не одна, так как в одиночку они боялись нападать на животное. Место сборища козерогов определялось заранее. Человек пятьдесят охотников, каждый с собакой, рассыпавшись на значительной площади, по кругу, постепенно подкрадывались к стаду. Собаки были на привязи, по определенному сигналу их отпускали, и они набрасывались на животных, которых затем приканчивали охотники (Кисляков, 1934).

Очень возможно, что именно такая зимняя облавная охота изображена на большинстве петроглифов Занскара. Во всяком случае, мы видим, что собаки были неизменными спутниками охотников на козерогов. Интересен также тот факт, что участки, где водятся козлы, делились между разными селениями, и охотиться в чужих угодьях было запрещено (Кисляков, 1937). Возможно, рисунки козчиков на скалах и камнях маркировали места скопления животных, принадлежащие определенным группам охотников.

Удивительные совпадения в формах выражения отношения к горному козлу прослеживаются между долинами Занскара и Памира. Так, жители памирских кишлаков рисовали козлов на наружных стенах своих домов. Рисунки очень примитивны, похожи на петроглифические изображения и сделаны красной охрой. Н. А. Кисляков отмечает, что «местные жители считают, что изображения козла приносят дому счастье и довольство» (Кисляков, 1934). Такие же рисунки козла красной краской на стенах домов встречаются и в Занскаре, мотивация та же.

В горных кишлаках Памира рога дикого козла вывешивали на гробницах-мечетях и в домах, как снаружи, так и внутри, – их считали предметами, приносящими благополучие. Рога козерога (и других видов козлов, хотя козерог был предпочтительнее), часто вместе с черепом, устанавливают и над входными дверями или окнами домов в Ладаке. Совершенно замечательные головы козерогов, которые превращают в муляж, привязывают к столбам террас в монастырских дворах.

Но почему такой чести удостоились именно эти животные? Очевидно, что в тот период, когда скотоводство

В 2019 г. в Занскаре в ходе рекогносцировочных работ, которые проводились в рамках проекта «Археологические исследования путей миграции из Центральной Азии в Кашмир» при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung, были обнаружены неизвестные ранее рисунки на камнях на правом берегу р. Дод в окрестностях д. Акшоу.

Истоки р. Дод находятся в леднике Дранг-дранг, расположенном на высоте 4,4 тыс. м над уровнем моря. Река протекает по Падумской долине, сливаясь с р. Царап Чу, она образует р. Занскар – северный приток Инда

еще не было основным занятием, а земледелие давало крайне скудные плоды, только удачная охота могла обеспечить выживание, когда остальные ресурсы были исчерпаны. Образ козерога и его распространение среди петроглифов Центрально-Азиатской горной системы связаны с его промысловым значением для людей, издавна селившихся в этих суровых местах. Горный

Петроглифы Акшоу. Изображения козерогов в линейном стиле. *Акшоу, Занскар, 2019 г.*

Изображение козерога на стене дома в деревне. Занскар, 2019 г.

Изображение на камне. Культурная сцена. Мужчина совершает возлияние у алтаря. Акшоу, Занскар, 2019 г.

Эти рисунки козерогов скопированы Н. А. Кисляковым со стен домов селений в нижнем течении р. Хингоу (Памир). Здесь же изображение подковы, по поверью, приносящей счастье

козел был основным объектом охоты, а значит, и символом, и олицетворением самой жизни. Так что в основе всех поздних мифов и легенд лежит борьба за жизнь...

Характеризуя изображения козлов на петроглифах Лянгара на Памире, В. А. Ранов писал, что «если в изображениях других животных, скажем, быков или лошадей, можно заметить локальные различия в петроглифических провинциях, то изображения горных козлов повсюду практически одинаковы, как и их стилистические различия» (2016, с. 133) (за исключением «бিতреугольного» стиля, о специфике которого мы писали). И это действительно так – достаточно сравнить изображения козлов Памира и верховьев Инда, Ладака и Занскара. Близкие

Голова козерога у входа в монашескую келью. Монастырь Ламакур, Ладак

Головы козрогов на террасе женского монастыря. Ладак (справа)

параллели в этнографическом материале, а также сходство, доходящее до тождества, в изображениях животных и охоты на них, возможно, в данном случае может быть объяснено в том числе и конвергенцией, т. е. эволюционным развитием неродственных групп в сходном направлении в одинаковых условиях среды. Ведь природно-климатические условия этих высокогорных территорий Памира и Ладака очень близки, как и образ жизни местного населения.

В сравнении с козерогами, антропоморфных изображений у д. Акшоу не так много. Они представляют собой очень простые линейные изображения мужских фигур. Среди них – пешие лучники, целящиеся в козлов, один любопытный персонаж в высоком головном уборе, который охотится на козла, стоя на спине лошади; еще один человек изображен стоящим на спине козерога. Есть и рисунки, отображающие какие-то культовые действия. Так, на одном из камней выбивкой нанесено изображение мужчины, совершающего возлияние

возле алтаря. Конечно, все это только схематичные изображения человека, в которых лишь иногда можно найти указания на характерные детали костюма или вооружения.

Среди рисунков у д. Акшоу довольно много буддийских символов, в отличие от других известных местонахождений Ладака и Занскара. Здесь проходили паломники, и символы веры соседствуют с символами охотничьей удачи и языческих культов.

Точно неизвестно, когда буддизм впервые проник на территорию Занскара. Есть неподтвержденные сведения, что это случилось еще во времена Канишки I, правившего в начале II в. В этот период в Кашмире, являвшейся частью огромной Кушанской империи, расцветал буддизм, и нет ничего невозможного в том, что первые буддийские проповедники появились в Занскаре уже в то время. Обычно для подтверждения этого предположения ссылаются на «чортен Канишки» – необычного вида ступу с яйцевидным туловом, стоящую

Петроглифы Акшоу (слева). Композиция с буддистской символикой, состоящая из рисунков козерогов, выполненных во всех известных стилях (теновом битреугольном, геометрическом, линейном), среди которых размещены изображения правосторонней и левосторонних свастик, маленькой ступы, раковины и аскета с черепоподобной головой и поднятыми вверх скрещенными руками. Его тело пересекает изображение небольшого животного, похожего на собаку, выполненного тем же тонким металлическим инструментом, что и сам человек, и раковина. На поверхности этого камня также дважды нанесена буддистская мантра «ом мани падме хум», а ниже мантра «ом а хум». В китайской буддийской традиции эта мантра получила название Саньцзы цзунчи чжоу – «Мантра [в] три слова, [дарующая] абсолютный контроль [над страстями]». (прочтено и интерпретировано к. и. н., с. н. с. С. Х. Шомахмадовым из Института восточных рукописей РАН, за что автор выражает ему искреннюю благодарность). Все эти изображения связаны между собой и относятся к периоду после «второго пришествия буддизма» в Ладак в VIII в. На еще одной грани камня можно увидеть рисунок свастикоподобной птицы (слева внизу). Занскар, 2019 г.

у монастыря Сани, одного из самых старых монастырей Занскара. Молва упорно связывает это сооружение с именем Канишки. Но подтвердить или опровергнуть это предположение могло бы только исследование самого сооружения, но для этого его пришлось бы разрушить...

Казалось бы, буддийская символика рисунков на камнях может достаточно точно указывать на время проникновения буддизма в Занскар. Но она не менялась веками, а многие символы перешли в буддизм из более древней религии бон, и среди буддийских изображений трудно выделить бесспорный древний пласт.

Петроглифы Акшоу (справа). На этом камне запечатлен целый сервиз из пяти драгоценных сосудов разных размеров, в одном из которых находится цветок, усиливающий его благоприятное действие. Рядом с сосудами размещены изображения разносторонних свастик, ступы, соляные символы и козероги во всем многообразии своих воплощений. Занскар, 2019 г.

Чортен Канишки на территории монастыря Сани. Занскар

Петроглифы Акшоу (справа). Среди более современных знаков можно отметить одиночные символы – свастики, солнце и луну, которые не имеют патины и хорошо выделяются более светлым цветом на темных патинизированных поверхностях камней. Занскар, 2019 г.

Петроглифы Акшоу (вверху). Занскар, 2019 г. К добуддийским культам относятся эти изображения лхатхо, выполненные мелкой точечной выбивкой на гладком сером валуне. На рисунках показаны сооружения прямоугольной формы, со слегка вогнутыми стенами и небольшими башенками, увенчанными традиционным треугольным флажком. Подобные изображения обнаружены впервые: на рисунках мы видим одну из несохранившихся разновидностей архитектурных сооружений этого региона, которые имели отношение к народной религии, а не к буддизму. Вероятно, поверх выбивки эти изображения были окрашены в красный цвет, они до сих имеют розоватый оттенок. Значительно позднее рядом с этими рисунками были выбиты солярные знаки – круг с точкой в центре и полукруг с точкой внутри. Они более светлые, без патины. Полной аналогией этим изображениям является сооружение из камня в Центральном Тибете, на восточном берегу о. Дангра, где находятся несколько бонских монастырей (внизу). Это лхатхо почитается приверженцами религии бон: населяющие его духи привязаны к конкретной местности, их почитают как повелителей этого края

Февраль • 2020 • № 5/6 (85)

Современные лхатхо в Занскаре – это кучи камней, чаще всего уложенные на большой камень-постамент, окрашенный в красный цвет, скрепленные между собой и полностью закрытые приношениями-хадаками (ритуальными белыми шелковыми шарфами). Лхатхо украшены целыми снопами веток можжевельника или других деревьев. По рассказам местных жителей, есть три вида лхатхо: чаще всего они стоят на подходе к деревне, другие – у воды, а нередко несколько семей делают лхатхо для себя. В лхатхо обитают духи-защитники, которые противостоят злым духам, множество которых подстерегает человека в его повседневной жизни

На большой плоской плите (справа), которой открывается новое местонахождение петроглифов у д. Акшоу, изображено много всевозможных буддийских символов. Плита лежит плашмя, она сплошь «исписана» рисунками, но изображения едва проглядывают на поверхности – такое впечатление, что они затерты временем. Плита нуждается в более тщательном исследовании, но уже сейчас на ней обнаружены изображения цветов, веток, знаков свастики, солярных символов и башнеобразных ступ. Даже ее торцовую часть покрывают гораздо лучше сохранившиеся изображения козерога. Занскар, 2019 г.

Эта композиция на камне состоит из трех фигур, выполненных в разном стиле. Мелкой выбивкой в теновом стиле нанесены изображение драгоценной вазы – буддийского символа, символизирующего процветание, долгую жизнь, помогающего исполнению желаний и достижению целей, и направляющегося к ней нарядного всадника на коне. Фигура идущего в противоположную сторону козерога выполнена в битреугольном стиле. Все три образа составляют единое целое и были выполнены в одно время. Но если бы каждое из этих изображений стояло отдельно, они, скорее всего, были бы отнесены к разным эпохам. Акшоу, Занскар, 2019 г.

Начни с начала и продолжай, пока не дойдешь до конца. Тогда остановись!
Л. Кэрролл, «Алиса в стране чудес»

Иранский мир вошел в Занскар в конце IV – начале III тыс. до н. э. не только с рисунками козлов в битреугольном стиле. Известный ученый-тибетолог Б. И. Кузнецов на основании письменных источников показал, что религия бон – предшественник и соперник буддизма, появилась в Тибете под иранским влиянием. Ее источником стал дозораострийский маздеизм древнего Ирана VI–V вв. до н. э. Эта теория, не более спорная, чем другие, может объяснить некоторые интересные параллели в материальной культуре Тибета и Ирана, т. е. в том, с чем имеет дело археология. Так, специалист по археологии Ближнего Востока Б. Муше (1987) проследила сходство между сасанидскими головными уборами, изображенными на кушано-сасанидских монетах и на наскальных рельефах, и старинной тибетской культовой шапкой с головой кабана, хранящейся в Мюнхенском музее. Эту шапку привез известный востоковед Э. Шефер из тибетской экспедиции 1938–1939 гг., и принадлежала она бродячему монаху «с запада», который пришел в Лхасу на новогодний праздник. Известно, что такие шапки бывали не только с кабаньей, но и с вороньей головой, и носили их монахи-странники. По мнению Б. Муше, «хотя использование зверей в качестве части головного убора было распространено и в других частях античного мира, например, в Египте, в Ассирии, у Ахеменидов, парфян и особенно Сасанидов, его следует рассматривать в рамках головных уборов и боевой одежды кочевых народов, особенно восточно-иранских...».

Через три года после публикации этой статьи в погребении пазырыкских воинов в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 были найдены настоящие воинские шлемы – войлочные шапки с деревянными навершиями в виде птичьих голов. Эти шлемы имеют много общего как с сасанидскими головными уборами, так и с тибетской шапкой бродячего монаха. Еще большее сходство пазырыкские войлочные шапки имеют с шапками сакских воинов, изображенных на персепольских барельефах, а также с шапками тибетских лам, представляющих собой такие же войлочные колпаки с опущенными ушами. Безусловно,

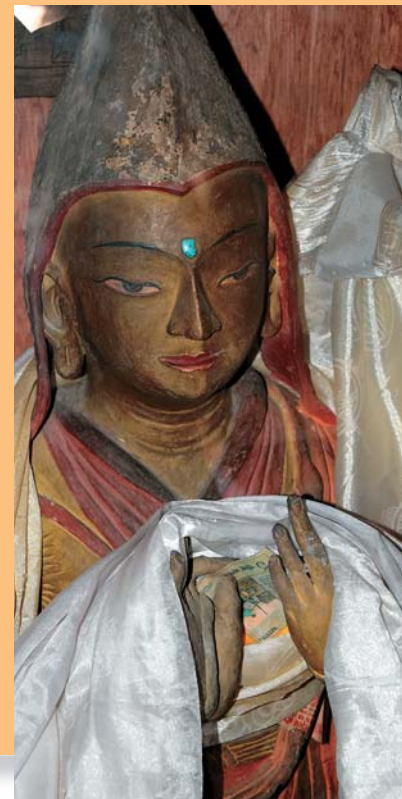
В Ладаке обнаружено очень мало пиктограмм – рисунков краской на скалах и камнях. Тем интереснее новое местонахождение подобных изображений, обнаруженное в гроте на высоте около 4 тыс. м на левом берегу р. Дод, напротив д. Акшоу. Грот представляет собой неглубокий скальный выступ с неровными стенами, сочащимися водой. На одной его стене красной краской изображена многоступенчатая ступа, на другой – не слишком отчетливые изображения свастик и каких-то мелких фигурок. Возможно, рисунки минеральной краской некогда создавались параллельно с гравировкой и выбивкой рисунков на камне. Но сохранились такие рисунки только в пещерах, под скальными навесами, в укромных местах. Когда-то их, вероятно, было больше, краской расписывались и валуны. Возможно, и изображения козерогов в битреугольном стиле поначалу выполняли на камнях краской, и лишь позже стали использоваться точечная выбивка и гравировка

монахи унаследовали часть экипировки саков, скифов, пазырыкцев. В скифское время эти головные уборы были своего рода маркером восточно-иранских воинов, скотоводов и всадников, и в почти неизменном виде этот атрибут перешел в культовый костюм тибетских лам.

Другая линия культурных связей ведет нас в Китай. Из письменных источников мы знаем о Южном участке Шелкового пути, берущем начало в Дуньхуане, в провинции Ганьсу, который затем шел вдоль границы Таримской впадины и тянулся через Памир в северо-западные районы Индии. Напомним также о союзах, возникавших между тибетцами-цзянами и хунну, когда они вместе выступали против империи Хань. В связи с этим стоит обратить внимание на явное сходство церемоний, проводившихся бонскими жрецами при заключении мирных договоров с другими странами, и обрядами, которым следовали хунну при заключении договоров (клятвенных соглашений) с Хань.

Бонские жрецы перед жертвенным алтарем клялись небом и землей, солнцем, луной и звездами. При этом закалывалось животное, а его кровью тибетцы, присутствующие при заключении договора, мазали себе губы (VII в.) (Бичурин, 1833). В свою очередь, «ханьские послы и шаньюй поднимались на гору, зарезали белую лошадь и мазали ее кровью углы рта, дабы скрепить договор» (первые века н.э.) (источник – «История Хань с дополнительными комментариями»; *цит. по:* Кроль, 2005, с. 160). Очевидное сходство этого обычая в Тибете и Монголии может быть свидетельством той общей древней религиозной основы у центральноазиатских народов, о которой еще в начале прошлого века говорил Ю. Н. Рерих.

Все эти пока отрывочные и немногочисленные наблюдения показывают, что чем в большую древность мы

Изображение Атиши – проповедника, восстанавливавшего буддизм в Тибете после гонений царя Лангдармы

Войлочный шлем. Курган №1, могильник Ак-Алаха-1. Раскопки Полосьмак, 1990 г.

Прорисовка шапки тибетского монаха. Фонды Государственного музея этнографии, Мюнхен, Германия

погружаемся, тем больше доказательств единства базовых основ культуры народов Центрально-Азиатского региона мы находим. Многие из того, что когда-то объединяло племена и народы этой обширной территории, до сих пор сохранилось в народной религии населения таких труднодоступных районов, как Занскар.

Литература

Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. СПб, 1833. Ч. I.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.

Кисляков Н.А. Бурх – горный козел (Древний культ в Таджикистане) // СЭ. Ленинград, 1934. № 1–2. С. 181–189.

Кисляков Н.А. Охота таджиков долины р. Хингоу – в быту и в фольклоре // СЭ. 1937. № 4. С. 104–119.

Кроль Ю.Л. Отношение империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. М.: «Восточная литература» РАН, 2005. Вып. XXXII: Дальний Восток, кн. 4.

Пессель М. Занскар. Забытое княжество на окраине Гималаев. М.: Мысль, 1985. 190 с.

Ранов В.А. Бегульце по скалам. Наскальные рисунки Памира. Душанбе: Дониш, 2016. 416 с.

Bruneau L. & Bellezza J. V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh. Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the 'Western Tibetan Plateau Style' // Revue d'Etudes Tibétaines. 2013. № 28 (Dec.). P. 5–161.

Bruneau L., Vernier M. Animal style of the steppes in Ladakh: a presentation of newly discovered petroglyphs // Olivieri L. M., Bruneau L., Ferrandi M. (Eds.) Pictures in transformation: rock art researches between Central Asia and the Subcontinent. Oxford: ArchaeoPress, 2010. P. 27–36.

Frankfort H.-P., Kolodzinski D., Musc G. Péroglyphes archaïques du Ladakh et du Zanskar // Arts asiatiques. 1990. T. 45. P. 5–27.

Vernier M. Zamthang, epicentre of Zanskar's rock art heritage // Revue d'études tibétaines (RET). 2016. P. 53–105.

Vernier M. Exploration et documentation des péroglyphes du Ladakh: 1996–2006 // HAL Id: hal-01407909 <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01407909>

Vernier M. Exploration et documentation des péroglyphes du Ladakh: 1996–2006. Préface de H.-P. Francfort, Review par J. Bray, Sierre, Fondation Carlo Leone et Mariena Montandon. Como: Nodo Libri, 2007. 83 p.

Исследования выполнены по гранту "Archaeological studies of migration routes from Central Asia to Kashmir" AZ 16/BE/15, при финансовой поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung

